

19. О плавании к берегам Камчатки и Русской Америки (1817–1819 гг.) // *Головнин В. М.* Путешествия вокруг света. М., 2008. С. 528–596.
20. *Загоскин Л., Шелихов Г. И.* Путешествия к американским берегам. М.: Дрофа, 2008. 623 с.

**ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ ПОРТ В ПУТЕВЫХ ДНЕВНИКАХ
АГРОНОМА КЕГЕЛЯ 1841–1846 гг.
(Перевод избранных глав Л. В. Садовниковой)**

Аннотация. Публикация основана на частичном переводе книги Вернера Фридриха Гюльдена «Научно-исследовательская экспедиция на Камчатку: путешествия и впечатления Иоганна Карла Эренфрида Кегеля с 1841 по 1847 гг.».

Путевые дневники немецкого агронома Кегеля, направленного Министерством государственных имуществ Российской империи в Камчатку на 2 года для сбора данных о климате и почвах полуострова и предоставления заключения о возможности ведения сельского хозяйства, имеют не только научный характер, но и дают представление о жизни и событиях полуострова, в частности, Петропавловского порта середины XIX в.

Ключевые слова: немецкий агроном Кегель, Камчатка, Петропавловский порт, сельское хозяйство, ремесленная школа, путевые дневники, Вернер Фридрих Гюльден.

**PETROPAVLOVSK PORT IN THE TRAVEL DIARIES
OF AGRONOMIST KEGEL, 1841–1846
(Translation of selected chapters by L. V. Sadovnikova)**

Abstract. The publication is based on the partial translation of the book “Academic research expedition to Kamchatka: travels and impressions of Johann Ehrenfried Kegel from 1841 to 1847” by Werner Friedrich Glden.

Agronomist Kegel was sent to Kamchatka for 2 years by the Ministry of State Property of the Russian Empire for collecting data about climate and soils of the peninsula and for providing a report on possibility of agricultural activity. His travel diaries have not only scientific character but also give the image of ordinary life and events of the peninsula particularly of Petropavlovsk port in the middle of the XIX century.

Key words: German agronomist Kegel, Kamchatka, Petropavlovsk port, agriculture, trade school, travel diary, Werner Friedrich Glden.

Казалось бы, все меньше и меньше остается «белых пятен» в истории Камчатки, но снова и снова появляются факты, документы, свидетельства, дополняющие общую картину полуострова в тот или иной период. Интерес вызывает любая информация, проливающая свет на важнейшие события, тем более воспоминания очевидцев, в т. ч. и иностранных путешественников, ученых в различных областях науки, государственных чиновников Российской империи, направленных в разное время для всевозможных исследований Камчатки и т. д. Именно благодаря этим воспоминаниям мы можем лучше узнать и понять прошлое.

В 2008 г. мною была представлена книга Вернера Фридриха Гюльдена «Научно-исследовательская экспедиция на Камчатку: путешествия и впечатления Иоганна Карла Эренфрида Кегеля с 1841 по 1847 гг.» – первое, предназначенное для семейного архива, издание авторской рукописи, опубликованной издательством Бёлау в Кёльне, Веймаре и Вене в 1992 г. Мой доклад, судя по источникам Интернета, это единственная за 12 лет статья об агрономе Кегеле. В этом году я снова обратилась к книге, поскольку три ее главы рассказывают о Петропавловском порте зимой 1841/42, 1842/43 и 1843/44 гг. О последнем пребывании в порту с 1 января 1846 г. и вплоть до отъезда (предположительно на охотском корабле «Иртыш» в конце августа того же года) нет никаких упоминаний. Отчет о поездке на Камчатку заканчивается октябрём 1845 г.

Прежде всего, я хочу напомнить вам цель приезда на Камчатку немецкого ученого – агронома, ботаника, почвовода и геолога Иоганна Карла Эренфрида Кегеля, который по поручению Министерства государственных имуществ Российской империи был направлен в Камчатку на 2 года

для сбора данных о климате и почвах полуострова и предоставления заключения о возможности ведения сельского хозяйства. Ему было 57 лет.

История прибытия агронома Кегеля на Камчатку не была лишена трагических моментов. Вопреки уговорам начальника Охотска Головнина перезимовать, он предпринимает попытки добраться до Камчатки на любом судне, и ему это удается. Таким образом, 19 сентября 1841 г. он отплывает из Охотска на бриге «Камчатка», несмотря на то, что погодные условия не предвещали ничего хорошего. Из-за шторма, дождя и снега бриг не сумел пройти через ворота Авачинской бухты, и капитан корабля лейтенант Секерин принял решение найти убежище у Большерецка (западное побережье Камчатки), где и произошло крушение корабля, во время которого Кегель лишился всего приобретенного им на материке посевного материала. Кстати сказать, семена ему прислали только через 2 года.

14 дней экипаж и пассажиры ютились в изготовленных из корабельных парусов и шестов палатках. Никто не имел представления, где находится Большерецк. А он был всего лишь в 100 верстах (106 км) от них. Помощь пришла неожиданно от камчадалов из Гольгина, приплывших по одноименной реке. Это были именно камчадалы, чью доброту и гостеприимство по праву оценил Кегель. И такое отношение к коренному населению он сохраняет на протяжении всего пребывания на Камчатке.

Обессиленный и разочарованный, он прибывает в Петропавловский порт 5 декабря 1841 г. и остается здесь до 14 апреля 1842 г.

Первое его присутствие в порту было сопряжено с разного рода трудностями, связанными, прежде всего, с пренебрежительным отношением к нему начальника Камчатки Страннолюбского, прилагавшего большие усилия, чтобы отослать его обратно, о чем свидетельствует разговор между секретарем по гражданским делам Муцеилевичем и Кегелем, который доказывает то, что Кегелю было предложено совершить поездку зимой по северным районам, приобрести у местных жителей пушнину и с хорошей характеристикой вернуться в Петербург, на что Кегель дал резкий отказ [с. 100–102].

О состоянии дел в Петропавловском порту он пишет: «На Камчатке – две больницы, одна в Петропавловском порту, другая в Тигиле, с врачами, хирургами, аптекой и аптекарями, а также отличный курорт и лечебное заведение в Малках со всем оборудованием, врачом, хирургом, аптекарем. Этот курорт с горячими сероводородными ваннами, наряду с другими хорошими заведениями на благо жителей полуострова, главным образом, для борьбы с сифилисом, которым заражены половина населения Камчатки, и его последствиями, построил адмирал Рикорд в 1813 г. во время своего правления на Камчатке. Сифилис здесь просто свирепствует, так как его никак не могут искоренить и болезнь снова и снова заносится служащими и матросами из Охотска. Этому пытаются противостоять переболевшие, а также порядочные станичники. Лечебница расположена на достаточно удаленном расстоянии от водоемов, где меньше влаги, а вот на сухих и теплых почвах вблизи источников и бассейна как раз наблюдается высокая влажность. К сожалению, это учреждение приходит в упадок, не без усилий чиновников, целью которых является строительство новой больницы, требующее больших затрат, естественно с пользой для себя.

Итак, было решено курорт, как убыточный, снести, а вместо него построить новую больницу в русской деревне Ключевское. Здесь ее, кстати, ликвидировали несколько лет тому назад из-за нецелесообразности, поскольку там не было теплых источников, сильный ветер повреждал постройки, а воду нужно было носить из реки. Отделение было решено разместить на Паратунских источниках, которые находятся недалеко от порта и являются местом отдыха для большинства жителей...

...Много раз в моем присутствии велись разговоры о строительстве. Стройка в Ключевском должна была обойтись государству в 35 тысяч рублей, а в Паратунке – в 18 или 19 тысяч. Первой стройкой должен был заниматься заместитель начальника Камчатки, второй – сам начальник» [с. 106–107].

Как известно, в связи с отъездом Страннолюбского в Петербург по состоянию здоровья и его неожиданной смертью там в 1846 г. (он не дожил до 50 лет) проект не был осуществлен. Однако Кегель очень сожалел о Малкинском курорте. По его словам, «он был очень нужен для лечения сифилиса, который свирепствовал на Камчатке».

Больше всего Кегеля волновала ремесленная школа, при которой он и был определен. «Эта так называемая ремесленная школа для камчадалов подчинялась заместителю начальника и ежегодно обходилась государству в сумму 3 тысячи рублей, не принося пользы ни ученикам, ни правительству, которое имело самые лучшие намерения и шло на большие траты. Она приносила пользу лишь контролирующим органам и разного рода расточителям.

Ремесленная школа была построена еще адмиралом Рикордом для камчадалов с целью обучить их ремесленному делу, но эта задача оказалась невыполнимой, поскольку не было квалифицированных мастеров. Мальчики, набранные в школу, должны были перейти в казенный дом для судовых рабочих под начало кузнеца, слесаря, плотника и бондаря, которые мало-мальски разбирались каждый в своем деле. Там дети от 14 до 16 лет выполняли подсобные работы. Практически они кормили себя сами, а вместо обучения ремеслу зимой носили в дом дрова, летом ловили рыбу для себя и чиновников, работали в огородах и т. д.. Таким образом, ремесленная школа существовала только на бумаге. И эта школа без специалистов и мастерской была передана под мой надзор. Учениками были не камчадалы, а дети солдат, которые содержались за счет казны. Для них здесь были созданы и многие другие привилегии, но ни один из учеников не имел ни малейшего представления о ремесле, к которому был приписан. Чтению и письму они также никогда не обучались, так как преподавание фактически не велось.

Я обратил на это внимание Страннолюбского и предложил взять в штат ремесленников и построить мастерскую в соседнем здании. Позже я потребовал заменить кантонистов на камчадалов. К обучению ремесленному делу необходимо было добавить занятия по чтению, письму и религии. Мои требования натолкнулись на упорное сопротивление Страннолюбского, однако, в конце концов, были удовлетворены. Я обратился к генерал-губернатору Иркутска с просьбой прислать необходимых специалистов. Он пообещал мне направить, если таковые отсутствуют. Я очень рассчитывал на это и надеялся, что смогу сделать что-то хорошее для Камчатки.

К сожалению, я не получил ни одного специалиста. Страннолюбский написал в Иркутск, что в этом нет никакой надобности. Ученики и без мастеров могут всему обучиться сами...» [с. 109–111].

«... Не лучшим образом обстоят дела и с исследованием этой прекрасной и удивительной земли в 5000 квадратных миль на предмет климата, растительного мира, сельскохозяйственной пригодности земель, опытов по возделыванию зерновых культур, сравнительных исследований растений, которые я должен был собрать на севере Камчатки, чтобы сделать вывод, насколько они совпадают с растениями северной Америки. Какими средствами я мог все это осуществить, если у меня не было необходимых инструментов, по большей части по воле начальника Камчатки, который, как только я прибыл сюда, заклеил меня позором и всячески настраивал против меня население?» [с. 113].

Во второй свой приезд в Петропавловский порт зимой 1842/43 г., после поездки в Тигиль, Кегель изучает окрестности, описывает жизнь жителей.

«В этом небольшом, самом важном уголке Камчатки, зима не холодная. Температура ниже 15° – явление редкое; но зачастую идет снег, и более того, с северных и северо-восточных гор, у которых расположен порт, в долину проникает сильный ветер и часто поднимаются снежные бури. Снег полностью заметает заборы и по самую крышу стоящие на открытых местах дома. Погода часто меняется. Мягкий климат под влиянием температуры замерзания, что встречается здесь довольно часто, превращает снег в лед, и он долго не тает. Тем не менее, земля, как и повсюду на Камчатке, никогда не промерзает на большую глубину. Многие возвышенности, покрытые снегом, вообще не замерзают, насколько я мог это наблюдать; таким образом, растения и корни остаются зелеными и свежими. Но в долине, где находится большинство огородов, еще долго лежит снег. Поэтому огородничество начинается довольно поздно. Горы освобождаются от снега намного раньше, следовательно, на горных вершинах высотой не более 1800 футов и ниже до 300 футов ночные заморозки не ощущаются. Почва, покрывающая камни, песчаная, черного цвета и в меру пригодная для возделывания сельскохозяйственных культур, однако попросту используется для выгона скота. Иногда властвуют пурги, но не такие частые и сильные, как на Черном море. Зато зимой, по моим наблюдениям, происходят интенсивные и мощные землетрясения.

По расположению скал на Никольской сопке видно, что вся поверхность земли к западу от долины с маленькой гаванью (Николаевск), сформировавшейся вследствие обрушения горы, была образована по причине землетрясения, так как залежи яшмы и кварца вперемежку с железной рудой вывернуты наизнанку; это подтверждают и скалистые пороги между маленькими и большими заводами. То же самое касается и озера, расположенного за Петропавловским портом в маленькой долине. От Вилючика (вулкан), за которым образовался новый вулкан, проходит подземное соединение с Авачинским вулканом по прямой линии через Петропавловский порт.

Лежащие к северо-западу и северу горы состоят из зеленокаменной породы. Ниже порта в сторону Мершелевого залива я обнаружил конгломераты кремния разных пород с вкраплениями железа, а в направлении Авачи сланцевый известняк, серпентиновые и зеленокаменные породы

в большом количестве. На мой запрос врач Полонский сказал мне, что если бы я увидел эти камни летом, то принял бы их за булыжники. Вероятно, и на Никольской горе, которая образовалась путем выветривания почвы, также есть сланцевые породы, смешанные с кварцем и глиной. Правда, поверхность почвы на несколько вершков (старинная мера длины, равная 4,4 см) вглубь имеет черный цвет, что объясняется разложением растений, экскрементов птиц и рыб; следовательно, почва здесь очень плодородная.

В глаза бросаются большие каменные глыбы в море, какие я часто находил позже в северной части Камчатки. Они, по-видимому, содержат чистое железо и при плавке можно было бы получить много прекрасной стали. Не могу точно сказать, является ли оно магнитным железом или даже сталактитом, сталагмитом, оклоитом, поскольку не было возможности его исследовать...

Петропавловский порт – это не крепость. Несколько маленьких пушек у главной охраны, а также в песке под Сигнальной горой и в конце Никольской горы вряд ли смогут сдержать даже каперское судно, тем более военный корабль. Страннолюбский с большим усилием установил пару пушек на северо-восточной горе, однако из-за малого радиуса действия они не могли защитить вход в маленький порт. Это указывает лишь на то, что командир артиллерии ничего не смыслит в своем деле. Несмотря на то, что он – офицер артиллерии, его служба заключается лишь в том, чтобы контролировать порох и боеприпасы, а также торговлю жителей порохом и свинцом. Другими артиллерийскими вопросами он не занимается. Его должность настолько ничтожна, что он полностью зависим от своих начальников. А те мало что понимают в военном деле.

Обычно начальниками становятся мужчины, которые, являясь любимчиками чиновников из Министерства морского дела, без каких-либо собственных заслуг, хотят быстрого повышения в звании и сколотить себе большое состояние. Артиллеристов здесь хотя и около 30, но зато какие! Зачастую это совсем молодые мальчишки, которые не поразили из пушки ни одну цель. Их привлекают к каким угодно работам, выгодным командиру, только не по специальности. Настоящее возведение укреплений потребовало бы много труда, больших затрат, опытного инженера, кучу рабочих и реальную армию. Откуда все это взять полуострову, который уже сейчас без какой-либо выгоды обходится государству в более чем 800 000 рублей?

Авачинская бухта – слишком большая, чтобы ее можно было обстрелять орудиями, а пристаней в ней очень много. Только вблизи моря, где она сужается, а по обеим сторонам расположены горы, подходящие для укрепления, ее можно было бы защитить. Но пока Камчатка путем интенсивного заселения и торговли при ее многочисленных возможностях и крайне благоприятном расположении полуострова не будет развиваться дальше, любые затраты будут пущены на ветер.

Между тем, все расходы идут на пользу не полуострову, а отдельным лицам, преимущественно чиновникам, которых здесь больше, чем требуется, чтобы напрасно испускать бумагу и составлять счета; на это тратятся бесполезные ассигнования. Стоит только посмотреть на здания казначейства и их помещения, чтобы убедиться в этом. Ибо здесь это самое ценное, к тому же построены они прочно, добротно и надолго в расчете на преемников, и это несмотря на чудовищные расходы, которые при собственном изобилии древесины и дешевой рабочей силе довольно странны.

Вывод уже можно сделать из того, что – как сказал мне руководитель второго отдела третьего департамента Министерства госимущества камер-юнкер Ф. Струков – огороды и теплицы с их оборудованием, принадлежащие казне, под руководством прежнего начальника Камчатки Голенищева стоили 70 000 рублей, но я по прибытии сюда ничего подобного не обнаружил, за исключением подаренной Российско-американской компанией ремесленной школы, состоящей из старого дома и маленького огородика. И это факт, который никто не может оспорить. И ни один начальник не может сказать мне, что хоть один из этих домов и магазинов, которые они строили для себя за большие деньги, имеет какую-то ценность. Зачастую строительство ненадолго приостанавливается, якобы из-за отсутствия материалов, затем все сносится и строится заново. Это позволяет правительству обоснованно растрачивать деньги. По этой причине мне не разрешили построить казенную ферму, чтобы не выявилась разница в цене.

Блилежащие горы в окрестностях Петропавловского порта на западе, севере и северо-востоке невысокие. Они поднимаются только северо-западнее рядом с Корякским и Авачинским вулканами. По большей части на них произрастает каменная береза. Кое-где встречается кустарниковая ольха и кедровый стланик. В долинах обычно растет ольха, ива и в небольшом количестве тополь. Многие долины болотистые, преимущественно имеют форму котла; однако обильно покрыты травой. Часть сопок вблизи Авачинской бухты имеет превосходную жирную почву на зеленокаменных, серпентиновых и тальковых породах, пригодную для выращивания культур. И только

большое болото, которое находится к северу и югу от вершин Авачинского вулкана и простирается до Корякского вулкана и юго-восточнее недалеко от реки Паратунки, в летнее время с ее многочисленными водоемами, озерами, реками, среди которых самая многоводная река Авача, является большой проблемой для транспортного сообщения. Местами из него выступают холмы и сухие поляны, покрытые кедровым стлаником, ивой, ольхой и высокой травой. Все остальное – это торф со мхом и травой и, соответственно, многочисленные ягодники. А также здесь много птицы для охотничьего сезона. На болоте много топких мест, так что пешком ходить довольно опасно. Зимой здесь открывается прямой путь в Старый острог. Его довольно большую площадь трудно осушить из-за моря, так как во время приливов вода затекает в болото и выходит из берегов.

За северными горами находится котлообразная долина с красивым озером. Оно питается от реки, берущей начало в западных горах, которая затем через широкую долину впадает в море. Горы, окружающие Петропавловский порт, к северу сглаживаются и переходят в прекрасную долину с березняком, простирающуюся до самого озера. Почва здесь черная и покрыта необычайной травой, особенно вблизи озера. Она могла бы производить не только овощные культуры, преимущественно картофель, но и ячмень и овес в большом количестве. Долина настолько обширна, что земли достаточно, чтобы построить две большие деревни. Простирающаяся травянистая долина севернее от реки более влажная, хотя с помощью пары водоотводных канав можно было бы ее осушить, тем более, что берега здесь высокие. Там можно было бы разработать несколько тысяч десятин лугов и пастбищ. А пока рядом с портом заготавливается немного сена, идущего на корм скоту.

За озером на реке находятся две фирмы, занимающиеся выловом рыбы. Одна из них принадлежит торговцу Бушуеву, который немного занимается животноводством. Вторая, расположенная ближе к морю, основанная недавно и промышленная, в основном, рыбным промыслом, почти полностью разорилась, так как рыба, после захода в реку сдерживаемая нижним затвором, снова возвращается в море. Фирму основал казначей, а позднее исправник Федоров. Он предполагал извлечь из этого большую выгоду, однако своими действиями нанес ущерб не только себе, но и другим. Раньше озеро и река наполнялись рыбой для нереста. Сейчас они почти пусты. Там водится только форель и горный лосось...» [с. 213].

«Образ жизни в Петропавловском порту, особенно зимой, в целом, удовлетворительный. Нет недостатка в играх и танцах. Правда, с музыкой дела обстоят хуже. Однако среди некоторых казаков и камчадалов есть большие любители игры на скрипке. Кстати, некоторые камчадалы обладают большим музыкальным талантом, но им не хватает всевозможных занятий. Я встретил одного камчадала, который еще в юности ослеп от оспы. Играя на скрипке, он бродяжничает по полуострову. Сам изготавливает кое-какие детали для скрипки. У него такой хороший слух, что может воспроизвести любую услышанную им мелодию. Он – любимец своего народа...

Многие товары здесь стоят весьма дорого, особенно для тех, кто летом не успел сделать запасы с американских и других судов. Зимой у торговцев все покупается вдвое дороже. Так, на корабле мадера, ром, джин стоят 2 рубля за бутылку, французское вино и шампанское – от 6 до 8 рублей, можжевеловая водка – 2 рубля, красное вино из Бордо – 1, 2 и 3 рубля, портвейн – 3 рубля, рейнское вино – 4–5 рублей, кофе – 40, 45 до 60 рублей, сахар – 45–50 рублей, рис – от 8 до 12 рублей, пуд американской муки высшего сорта – 50 рублей, второго сорта – 35 рублей; и так все в соотношении. Маринованные овощи и соусы дешевые, как и консервированные фрукты из Франции. Все это, соответственно, хорошо продается и в редком случае в обычных компаниях чего-то нет.

Зачастую можно наблюдать маленькие и большие поездки на собачьих упряжках по бухте до деревни Авачи, при этом устраиваются гонки, поэтому каждый заинтересован иметь лучших ездовых собак. Любители и чудаки платят за них высокую цену, такую же, как за лошадь. Должен признаться, каждая поездка на упряжках мне лично неприятна, так как зловонные испарения от рыбной пищи, особенно тухлой рыбы из ям, заставляют зажимать нос каждого, кто обладает обонятельными рецепторами. Самое противное, когда собаки в большой упряжке одна за другой прямо во время пути справляют естественную нужду, при этом они постоянно останавливаются.

Неприятны в Петропавловском порту землетрясения, которые происходят по большей части зимой и до мая. Иногда они настолько сильные, что от этого страдают дома, падают дымовые трубы, обрушиваются крыши и сами по себе бьют колокола. Разумеется, к этому приводит местоположение, так как подземное соединение между вулканами Вилючик и Авача проходит через порт. Все здесь связано с вулканами.

К населению Петропавловского порта причисляют всех, кто проживает в церковном округе. Сюда также входят жители Старого Острога, хотя он находится в 40 верстах от Петропавловского

порта, а также жители долины и термальных источников Паратунки к юго-западу от порта за Авачинским заливом, в который впадает река Паратунка.

Вся территория обильно покрыта растительностью. В окрестностях горячих источников Паратунки могли бы с избытком и на ранней стадии произрастать все овощные культуры, требуется приложить хотя бы немного усилий. Картофель растет там в естественных условиях. Свежим его можно получать даже зимой. Поскольку маленькие клубни, как правило, остаются в земле, многое растет без посадки. Долина хорошо подходит и для животноводства, которое начало процветать среди переселенных туда якутов. Но начальник Страннолюбский совершил ошибку, забрав у одного крупного фермера мясо коровы, и велел наказать того, потому что в мясе нашли пулю. Вероятно, она была в корове много лет, потому что в тех местах стреляют все, кто охотится на уток и бекасов, которых здесь великое множество. Поскольку животные пасутся у рек и озер, то неосторожная стрельба может легко поразить их. К тому же начальник приказал доставлять только что отелившихся коров. Большинство якутов начинают свое животноводство с казенных коров, из которых один теленок принадлежит казне, а другой кормильцу. Естественно, из-за такого неумелого отношения ни о каком животноводстве не могло быть и речи. Следовательно, скот тайно продавали и забивали. Таким образом, у фермера из первоначально 31 головы вскоре оставалась лишь пара.

Вот так все происходит на Камчатке. Несмотря на добрую волю и усилия правительства развития не наблюдается. С тех пор, как было основано морское управление, все приходит в упадок. Люди ценятся не за усердие, работу, порядок, земледелие и скотоводство, а только за подарки в виде соболей и чернобурок, за которые раздаются медали, касты и сабли. Ни один хороший, порядочный фермер не получил подобное вознаграждение; в чести лишь мошенники, которые разрушают свое сообщество...

...Дров в Петропавловском порту достаточно. В качестве строительного леса используются каменная береза, тополь, ольха. А вот лиственницу и ель для постройки кораблей и казенных зданий доставляют из центральной части полуострова через Нижне-Камчатск по многоводной реке Камчатке, а из северных районов по реке Еловке и другим рекам, впадающим в море; там повсюду прекрасные лесные массивы. На восточном морском побережье произрастает пихта благородная, которая еще не используется. Сосна здесь не растет. Многие окрестности на западном побережье, дюны, сухие торфяники можно было бы засадить и освоить, тем более, что на холмах растут каменная береза, обычная береза, осина, рябина, местами кедровый стланик, а на влажных участках прекрасная ольха. Пока отсюда вывозят лишь немного дров.

Со временем Петропавловский порт при более деятельном населении мог бы вести очень важную внешнюю торговлю рыбой и жиром морских млекопитающих. Многие виды лосося, которые нерестятся в морских заливах и пресноводных реках, охотно покупаются как в свежем, так и в соленом и копченом виде. В большом количестве здесь водятся прекрасная и жирнейшая сельдь, треска, камбала, корюшка. Море здесь богато китами, белыми китами, дельфинами, тюленями, лахтаками и сивучами» [с. 214–219].

В третий раз Кегель остановился в Петропавловском порту (ноябрь 1843 – февраль 1844 г.) на три месяца после того, как совершил свою поездку на север Камчатки (это почти 100 страниц описания). После многочисленных обращений в Министерство наконец-то принимается решение направить его и учеников ремесленной школы в Мильково, чтобы создать там образцово-показательное хозяйство.

«Это учреждение должно было быть создано на благо камчадалов, чтобы они могли узнать о сельском хозяйстве, садоводстве и животноводстве, продуктах, получаемых вследствие ведения хозяйства, а также о лечении болезней животных. Для этого я предложил ранее исследованные мною и наиболее подходящие местности: первое – между Верхне-Камчатском и Мильково, второе – на реке Козыревке. При строительстве подобного заведения на Камчатке необходимо было учесть, чтобы оно находилось на некотором удалении от деревень, так как пасущийся скот вытаптывал зерновые культуры, а свободно бегаящие голодные собаки грызли молодые посевы, то же самое касалось свиней и домашней птицы. Жители русских деревень, за немногим исключением, ленивы, и только судачат о том, что якобы жаждут работать, но не хотят, чтобы камчадалы учились чему-то и узнали больше, чем они знают сейчас.

В качестве самого удобного места из-за его расположения и наилучшего климата я посоветовал долину реки Козыревки, поскольку здесь уже в марте почти нет снега и хорошая суглинистая почва. Оттуда продукты можно было бы доставлять в Петропавловский порт водным путем.

Тем не менее, это место не было одобрено из-за близости камчадалов, а другое (у Верхне-Камчатска) – из-за удаленности от Милькова.

Я должен был выбрать Ключевское или Мильково. Мои возражения относительно того, что поблизости не должно быть никаких населенных пунктов, никакой живности, кроме коров и лошадей, которых необходимо пасти, потому что бродячий скот вытопчет все поля и огороды, к тому же образ жизни крестьян будет вредно влиять на камчадалов и т. д., не были приняты во внимание. Начальник полагал, что на Камчатке скот вообще не нужен. Все остальное он также не хотел признавать. Меня с мальчиками попросту хотели удалить из порта, похоже, никто и не рассчитывал на то, что с учебным заведением, а тем более с образцово-показательным хозяйством, что-то получится. Руководству это невыгодно, так как в Министерстве вскрылись бы ложные донесения, что на Камчатке ничего не растет...» [с. 326–327].

Уже через год своего пребывания на Камчатке Кегель посылает в Министерство государственных имуществ подробный доклад на 34 страницах с описанием полуострова Камчатка (отчет от 15 декабря 1842 г.).

Петропавловский порт

Хорошо известная гавань окружена горами, которые на юго-западе имеют выход к Авачинской бухте, а на севере – к расположенному там озеру Калахтырка. За ним и рядом с ним идет проселочная дорога через маленькую узкую долину по предгорью через пади с маленькими речушками в деревню Авача.

Само место находится вблизи северного выхода из бухты на склонах гор на единственной площадке, где оно и могло быть построено. Земля для выращивания зерновых культур не подходит; ее не хватает даже под огороды для населения. Да и для животноводства недостаточно собственных пастбищ и сенокосов, поэтому это убыточно и без надобности. Тем не менее, недалеко в горах, которые опоясывают порт, имеется земля, достаточно пригодная и благодатная для овощных культур. Пастбищ и выгонов для скотоводства здесь предостаточно, однако они пока не используются. Предгорья повсюду пересекают маленькие речушки.

В гавани рыбу лучше ловить летом. Но ее недостаточно для жителей порта и многочисленных собак, которых содержат из-за зимних поездок на нартах. Удовлетворение всех жизненных потребностей обходится дорого, потому что все доставляется издалека. Если снабжение отсутствует вовсе, наступает большой дефицит товара.

Частые землетрясения, ураганы, обильные дожди и снегопады, а снег здесь очень глубокий и поздно тает, вряд ли это все можно назвать приятным для пребывания на полуострове. Пища же из соленого мяса и соленой рыбы, так как свежей постоянно не хватает, не способствует здоровью; поэтому больницы никогда не пустуют.

Свежее масло, сыр, яйца полностью отсутствуют. Из-за недостатка крупного рогатого скота поблизости, как и в целом по всей Камчатке, эти продукты на полуострове не выпускаются. Масло доставляется из Якутска, а немного яиц с морских островов.

В этот доклад вошли описания следующих окрестностей (Кегель посетил все эти места всего лишь за год пребывания на Камчатке и по каждому из них сделал заключение о почвах и влиянии внешних условий относительно возможности ведения сельского хозяйства):

1. Долина реки Авачи (с. 389–391);
2. Апачинская долина и река Быстрая (с. 392–394);
3. Долина реки Камчатки (с. 395–413);
4. Долина реки Еловки (с. 414–415);
5. По пути в Тигиль (с. 416–418);
6. Тигиль и западное побережье (с. 419–421).

Думается, что старания немецкого ученого, который вместо двух положенных лет прожил на Камчатке 5, пока не закончил свои исследования, не прошли даром. Камчатка на тот период попросту не была готова к повсеместному ведению сельского хозяйства в силу своего географического положения и других объективных причин. Большая часть посевного материала, а также молодняк для разведения животноводства, в основном, завозился с «материка»; к тому же недостаток тягловой силы для раскорчевки площадей под поля и огороды, отсутствие ограждений земельных участков и дефицит элементарного инвентаря (плуги, лопаты и т. д.) для возделывания земли и т. п. вряд ли мог сопутствовать успеху. Тем не менее, перенос ремесленной школы из Петропавловского порта в Мильково, первые посадки зерновых и овощеводческих культур позволяют говорить о том, что агрономом Кегелем были заложены основы земледелия на Камчатке.

Понадобилось еще долгих 80 лет после отъезда Кегеля с Камчатки, а именно с окончанием гражданской войны и особенно началом коллективизации в 20–30-е гг. XX в., когда на Камчатке появились первые трактора и стали создаваться колхозы и совхозы.

Kegel Johann Karl Ehrenfried. Forschungsreise nach Kamtschatka: Reisen und Erlebnisse des Johann Karl Ehrenfried Kegel. 1841–1847; Erstveroeffentlichung eines verschollenen Manuskriptes des Johann Karl Ehrenfried Kegel / W. F. Guelden (Hg). Koeln ; Weimar ; Wien : Boelau, 1992. S. 441.

САЙТААН
Из фольклора эвенов
(из архивных материалов)
Подготовка публикации Ю. А. Слепцова

Аннотация. В архивном материале, собранном А. А. Саввиным, описывается обряд, бытовавший среди коренных народов Севера – эвенов «Сайтаан». Этот обряд проводится после физической смерти известного шамана или шаманки, чтобы и после смерти он или она могли оказывать помощь своим родственникам. Сайтаан – фетиш, среди эвенов хранился до середины XX в. и являлся главным хранителем очага, помощником при болезни и удачной охоте.

Ключевые слова: эвен, ойуун (шаман), удаганка (шаманка), фетиш, оберег, обряд, обычай.

SAYTAAN
From Even folklore
(from archival materials)
The publication is prepared by Yu. A. Sleptsov

Abstract. The archival material collected by A. A. Savvin describes the ritual “Saitaan” that existed among the indigenous peoples of the North – Evens. This rite is performed after the physical death of a famous shaman or udaganka, so that even after death he or she can assist his relatives. Saitaan is a fetish among the Evens kept until the middle of the twentieth century and was the main guardian of the outbreak, an assistant for the disease and a successful hunt.

Key words: Even, Oyuun (shaman), udaganka (shaman), fetish, amulet, rite, custom.

В архивном материале, собранном А. А. Саввиным, описывается борьба шамана с болезнью в Колымском крае. Андрей Андреевич Саввин родился в 1896 г. в Болтогинском наслеге Ботурусского (Чурапчинского) улуса. После окончания реального училища он некоторое время работал учителем в сельской школе. Здесь он начал серьезно интересоваться наукой, выписывать теоретическую литературу по этнографии, фольклору, усиленно заниматься самообразованием. В 1939–1940 гг. А. А. Саввин участвовал в Северной фольклорно-диалектологической экспедиции Института языка и культуры по Верхоянскому, Абыйскому, Верхнеколымскому и Аллаиховскому районам. Результаты поездок были также уникальны. Наибольший интерес представляют этнографические сведения: о народных празднествах, национальных играх, верованиях, шаманстве и т. д. Все материалы, собранные А. А. Саввиным во время экспедиций, хранятся в рукописном отделе Архива Якутского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. Последняя запись его рукописи относится к 3 мая 1951 г., а в конце месяца его не стало. Ушел из жизни ученый, не получив должного признания ни в свои годы, ни потом. Перед исследователями-этнографами стоит задача осветить труды широкому кругу читателей, так как большинство из них записаны на якутском языке.

«Если дедушка либо отец, бабушка либо мать являлись сильным ойууном (шаманом) или удаганкой (шаманкой), то после смерти их разделяют на разные куски, выскабливают мясо от костей тела. Если у шамана или удаганки остается много родственников, то разделяют на много кусков, если мало – то соответственно по количеству семей (остатки костей и череп кладут в деревянный помост – дэлбургэ. – *Авт.*). Куски мяса коптят на дыму и хорошо сушат. Потом делят на всех, при этом никто не должен быть забыт. Каждый из дерева стругает человечка – куклу (фе-